

города IV—V веков // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 51, Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 41—42.

⁴ Перевод этого места Е. Э. Липшиц представляется неверным: «...И никто не имеет права изымать их из податных списков...» (Липшиц Е. Э. Проблема падения... С. 65). Несмотря на наличие лакуны в тексте закона, речь идет скорее о запрете внесения их в собственный ценз посессоров. Более точен перевод у В. Велкова (См.: Велков В. Робство в Тракия... С. 127).

⁵ Очевидно, такое распределение с государственно-правовой точки зрения выглядело вполне законным, коль скоро большинство земель в слабо урбанизированных балканских провинциях обладало лишь peregrinским статусом, связанным с определенными налогами и повинностями в пользу государства.

⁶ См.: Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens (376—476). Budapest; Amsterdam, 1969. S. 224.

⁷ См.: Ibid. S. 483. Anm. 584.

⁸ Интересно отметить, что это постановление, идущее в целом в русле ius postliminium, не перешло в Кодекс Юстиниана (CJ. VIII. 50), в то время как ряд законов соответствующего титула датирован еще III в. Анализ титула de redemptis ab hostibus показывает, что его статьи трактуют по преимуществу общие казусы. Поэтому закон от 23 марта 409 г., изданный по конкретной причине, и не оказался в последующем законодательстве. Однако для того, чтобы убедиться в его тесном родстве с ius postliminium, достаточно привести одну из формулировок закона 293 г.: «Мы приказываем этих возвращенных не считать пленными, а воину нашему надлежит быть защитником их, а не господином» (CJ. VIII. 50. 12).

⁹ «Si quos etiam veterani servulos familiasve ad agrum duxerint, immunes perpetuo possideant» (CTh. VII. 20. 8).

¹⁰ Ср. замечание А. Мочи о дунайской армии III в.: «Неземледельческие предпринимательства, в пограничном районе в особенности, прямо зависели от армии, равно как и экономическая, и общественная жизнь пограничного района в целом» (Moscy A. Pannomia and Upper Moesia, London; Boston, 1974. P. 242).

¹¹ Кулаковский Ю. А. История Византии. Киев, 1913. Т. 1. С. 230.

¹² См.: Moscy A. Zu den prata legionis // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Köln; Graz, 1967. S. 211—214.

¹³ См.: Cons. Const. a. 334; Jord. Get. 115; Euseb. Vita Const. V. 6, Eutrop. IX. 25.

¹⁴ Подробнее см.: Berchem D. van. L'annone militaire dans l'Empire romain au IIIe siècle // Memoires de la Société Nationale des Antiquaires de France. 1937. Ser. 8. Vol. 10. P. 117—202; Moscy A. Das Lustrum Primipili und die Annona Militaris // Germania. 1966. Jg. 44. S. 312—326.

¹⁵ «...Praecipimus species annonarias a vicioribus limitis provincialibus ordinabimus ad castra conferri» (CTh. VII. 4. 15).

¹⁶ «Он командовал не римскими, но варварскими алами, поселенными во Фригии» (Zos. V. 13. 2).

А. С. КОЗЛОВ
Уральский университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВИЗАНТИИ В 476—491 гг. V в. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Нет нужды подробно обосновывать тезис об обусловленности специфики классовой и политической борьбы в ранней Византии

особенностями социальных противоречий того времени и места. Это уже сделано в марксистских исследованиях¹. Однако добавим, что сегодня указанную борьбу следует анализировать с учетом целостности позднеантичной стадии развития. Подобный учет выявляет тесную связь ранневизантийских социальных групп прежде всего с судьбами позднеантичной полисной системы², с одной стороны, а с другой — гарантирует от преувеличения значимости для данного периода «протофеодальных» элементов в социальной и политической структуре³. В этом отношении изучение конкретного социального содержания основных направлений политической оппозиции правительству империи представляется довольно важным. Ведь если определить группы, стоявшие у власти в Византии IV—VI вв. как позднеабсолютистские, то может возникнуть соблазн поискать в оппозиции силы с иным «формационным зарядом»⁴. Продолжая исследование указанной проблемы⁵, в данном случае мы обращаемся к политической оппозиции на втором этапе правления императора Зинона⁶.

Расстановка оппозиционных сил к началу второго этапа была следующей⁷. Имевшая место узурпация императорской власти Василиском (январь 475 — август 476) была сложным выступлением определенных групп провинциальной знати против авторитарной политики столичной знати, проводимой после правления Льва I и на первом этапе правления Зинона. Эти группы были представлены египетской и левантийской торгово-ростовщической и землевладельческой знатью, заинтересованной в связях с Константинополем и пытавшейся укрепить там свое влияние через церковный аппарат и ослабление столичных ктиторов, поддерживаемых военно-служилой знатью. Но Василиска вначале поддержала часть константинопольской аристократии и димотов, недовольная засильем исаврийской верхушки. Сам же узурпатор пошел на союз с частью исавров, провинциального клира и столичных ктиторов, которые стояли за расширение связей с сирийской и египетской знатью. В результате константинопольская знать в целом оказалась в оппозиции Василиску. Однако окрепшие на базе известного подъема крупных городов⁸ «провинциалы», как и в первой половине V в.⁹, не сумели при Василиске укрепить свои политические позиции в центре. Отсутствие единства в их среде и радикализация городских движений, вызванная налоговой политикой правительства и действиями части верхушки монофизитского клира¹⁰, обусловили крах узурпации и возвращение власти Зинону.

Второе направление оппозиции на первом этапе правления Зинона было представлено крупными провинциальными землевладельцами, мало зависимыми от развития городов и экономических связей с Константинополем. Отражение их интересов можно предполагать в сепаратистских действиях некоторых глав

местного клира¹¹, но заметную активность с их стороны в первой половине 70-х гг. V в. выявить трудно.

В этот период известную консолидацию господствующего класса ускорило обострение «готской проблемы» на Балканах. Воспользовавшись обострением внутривизантийской ситуации в Византии, военно-варварская оппозиция¹² «подняла голову». Пребывание в пределах империи объединений готов во главе с Теодорихом Страбоном и Теодорихом, сыном Теудимера, вынуждало правительство часть прибавочного продукта византийского общества уделять варварам. Рейды остготов сказались на Византии крайне негативно¹³. Но ситуация была уже не идентична «готской проблеме» конца IV в.¹⁴ Притязаниям Теодорихов то и дело противопоставлялась сила оружия¹⁵. Сенаторы заявляли, что казна не в состоянии содержать готов (Malch. P. 399.17 sq.). Союзников готов в среде господствующего класса было мало. Возглавляемые Анфимом, Марцеллином и Стефаном, они подверглись жестоким наказаниям (Ibid. P. 400. 20—25). Таким образом, тезис В. Т. Сиротенко о том, что в данный период «византийское правительство смотрело на остготов как на военное сословие страны», что народные массы в противоположность этому постоянно вели против них борьбу¹⁶, представляется очень категоричным. Остготы под началом Теодорихов не приобрели того влияния, которое имели в конце IV в. вестготы под командованием Гайны. Тенденция готских групп трансформироваться на почве Византии в военное сословие не получила завершения¹⁷.

Тем не менее неудачи в борьбе с остготами вызывали у населения серьезное недовольство правительством.

Неудовлетворение политикой Зинона вообще высказывали не только столичные аристократы, провинциальная крупноземлевладельческая знать и часть военных контингентов. Обвинения в адрес императора содержатся в трудах части интеллектуалов, видимо, симпатизировавших восточной муниципальной знати¹⁸.

Одним из основных обвинений в адрес правительства был налоговый произвол. Малх из стремления казаться объективным отмечал, что Зинон в отличие от Льва I не был настолько корыстолюбив и не клеветал на «владельцев» (tois kektemenois). Но этот император стал игрушкой в руках Севастияна (префекта претория в 477—485 гг.), широко практиковавшего продажу должностей. «Из всех дел, делавшихся в ведомствах, не было ничего, что он, захватывая, не продавал бы» (Ibid. P. 396.26—27). «Приближенные (hoi basilikoi), получив свободу тратить государственное имущество», морально разложили и наследника Зинона (Ibid. P. 397.3 sq.). Таким образом, по Малху, хотя Зинон лично не стремился к ущемлению знати, окружение императора поступало иначе. Того же мнения Прокл из Газы, отметивший конфискации состояний у богатых

лиц и инспирированные против них процессы (Pгас. Gaz. Pa-peg. 5). Иоанн Лид обвинял Зинона в трусости, невоинственности и «покупке мира» у врагов империи. Император неусыпно радел «о конфискациях и гибели лиц, находящихся во главе государства» (Ioh. Lyd. De mag. P. 134.12—13).

Ясно, что представители аристократии и части служилой знати сходились на отрицательной оценке правления Зинона. По их мнению, принципами этого правления были нарушения собственности, гонения на состоятельных и сановных лиц, ограбление городов. Подобные выкладки очень похожи на инвективы Евнапия и Зосима¹⁹.

Зинона не щадят и хронисты. Малала, автор «Пасхальной хроники», и Кедрин отмечают его трусливое поведение во время узурпации Василиска, заигрывание с готами и, наконец, произвол в отношении знатных лиц. Особенно детально описаны казни патриция Пелагия и префекта Аркадия (Malal. P. 390.4 sq.; Chron. Pasch. P. 606.3 sq.; Cedr. P. 621.13 sq.). По Кедрину, Зинон, возомнив о себе, приступил к «конфискациям и незаконным убийствам», обвиняя и казня «всякого человека» (Cedr. P. 621.8—10). Зонара проявляет еще больший ригоризм: «И многих других мужей из видных лиц казнил ненавистнейший Зинон; и склонился он к ереси, совершив и беззакония и погибшую жизнь» (Zonar. P. 257.22—25).

Сохранившаяся у поздних авторов традиция описывать правление Зинона в мрачных красках свидетельствует об оппозиционных настроениях, распространенных в господствующем классе в 70—80-х гг. V в.

Ситуация осложнялась тем, что Зинон вынужден был учитывать часто разнородные интересы различных групп господствующего класса. К концу V в. завершился относительный подъем в деревне и городе²⁰. В деревне на фоне начала стагнации и усиления бегства крестьян²¹ росла крупная земельная собственность²². В крупных центрах, находившихся накануне своего упадка²³, наблюдался массовый приток нового населения из мелких полисов²⁴ и усиление узкой куриальной верхушки, пополнявшей сенаторское сословие²⁵. Ориентироваться только на интересы верхушки исаврийских соплеменников в таких условиях Зинон просто не мог. Поэтому появление оппозиции Зинону в среде части исаврийской клановой знати, страшущейся за свои привилегии²⁶, естественно.

Возглавил эту оппозицию могущественный земляк императора Илл. Его поведение при узурпации Василиска давало Зинону повод для размышлений (Ioann. Ant. Fragm. 210). Но опора Илла на известные исаврийские контингенты и ориентация на него части сенаторов столицы вынуждали Зинона считаться с ним. В 477 г. Илл стал магистром оффиций, в 478 г. — консулом. Брат Зинона Лонгин, данный Иллу в заложники, находился под охраной в Исаврии (Malal. P. 385.18—19). Несмотря

на такую позицию, Илл не избегал покушений на свою жизнь. Первым покушавшимся был раб императора, вторым — некий алан, назвавший инициатором покушения Эпиника, комита священных щедрот. Во втором покушении была замешана теща Зинова Верина (Ioann. Ant. Fragm. 211). Что касается Эпиника, то за его спиной, возможно, стоял выдвинувший его препозит Урвикий (Ibid. Fragm. 211.1). Таким образом, против Илла были настроены определенные круги столичной сановой знати.

С другой стороны, Иешу Стилит сообщает, что после своего возвращения на трон Зинов «всем своим землякам давал посты чести и могущества, за что был ненавидим ромеями» (Иешу Стилит. С. 132). Значит, император целенаправленно возвышал некоторые группы исавров, но вряд ли это были подчиненные Илла.

О наступлении Зинова на позиции Илла говорит и устранение последнего от командования войском, направляемым против Теодориха Страбона. Вместо Илла полководцем назначили Мартиниана (Malch. P. 402.22—26). В войске произошло волнение. Илл удалился в Исаврию, где мог мобилизовать поддерживавшие его группы. Источники содержат три версии о причинах отъезда Илла²⁷. Из западных исследователей ближе других к истине А. Нагль, полагавшая, что Илл удалился «из-за открытого недоброжелательства императорской семьи»²⁸. Но круг лиц, замешанных в покушениях на Илла, говорит о более широкой базе недовольства. Тем не менее в центре империи у фрондирующего исавра оставались приверженцы. Так, Верина через Ариадну, супругу императора, добилась высылки одного из них — Пампрепия (Ioann. Ant. Fragm. 211.2).

Тем временем на Балканах изменилась политическая ситуация. В 478 г. попытка правительства «сравнить» двух Теодорихов провалилась²⁹: готские предводители «говорили между собой о взаимных выгодах и условились не воевать друг против друга» (Malch. P. 405.7—10). Византии были предъявлены тяжелые требования. Опасность была так велика, что призыв императора к войску встретил горячую поддержку: «Все, возбужденные, стремились к войне» (Ibid. P. 406.27—28). Однако в войске после первого успеха началось брожение. Виной тому была не только нерешительность правительства, пытавшегося договориться с готами (Ibid. P. 407.7—14). Судя по высказываниям солдат, среди них зрело решение «об избрании человека, который бы избавил государство от предстоящей гибели» (Ibid. P. 407.15—18). Войско распустили. Рост варварской угрозы³⁰ и ненадежность войск вынудили правительство обратиться к Иллу.

По А. Нагль, Зинов нуждался в помощи Илла из-за восстания столичного плебса. Но ни у Феодана, ни у Иоанна Антиохийского, на которых ссылается исследователь, сведений о вол-

нениях в столице в это время нет. Мятеж Маркиана вспыхнул только в конце 479 г. Поэтому следует говорить лишь о вызревании в Константинополе социального недовольства, которое правительство хорошо ощущало и к взрыву которого готовилось: об этом свидетельствует оперативность действий исавров, разбивших мятежников за сутки.

Так или иначе Зинон устроил Иллу встречу в 50 милях от Халкидона. Положение главара «исаврийской оппозиции» укрепилось: Пампрепий стал квестором, Верина была выдана Иллу и отправлена в Тарс (Ioann. Ant. Fragm. 211.1).

Таким образом, усиление политического влияния возглавляемых Иллом оппозиционных групп имело корни, принципиально отличные от тех, которые питали военно-варварскую оппозицию Теодорихов.

Компромисс правительства с частью исаврийской клановой знати вызвал недовольство столичной аристократии.

Атмосфера в столице, в войске и в ряде городов на Балканах создавала благоприятную почву для выступления оппозиции. Как известно, в Фессалонике нашел отклик слух о том, что Зинон и префект города собираются сдать ее остготам. Граждане (hoi politai) свергли статую Зинона, чуть не убили префекта и не сожгли префектуру (to archeion — Malch. P. 408.24 sq.). Духовенство и высокопоставленные лица (ta hiera gene kai hoi tais axiais) с трудом уговорили народ прекратить волнения, допустив его участие в городском управлении. Горожанам позволили «взять на себя охрану города, предоставляя ее тому, кому бы они хотели и кого бы почли доверием». Взяв ключи у префекта, они отдали их архирею, «изобрали» охрану и выбрали стратега (Ibid. P. 409.1—11)³¹. В данном случае мы, очевидно, имеем дело не столько с антиготским выступлением народных масс³², сколько с социальным движением позднеантичного типа, имевшим антиправительственный оттенок.

В конце 479 г., воспользовавшись тем, что местные контингенты вели изнурительную борьбу с готами, узкая группировка аристократии попыталась совершить в столице переворот. Во главе заговора был Маркиан, сын покойного западноримского императора Антемия, зять Зинона.

Маркиан непосредственно опирался на небольшой круг знати. Ему помогли его братья Ромул и Прокопий (Theod. Lect. I.37; Theoph. P. 196.10—14), некий «предводитель солдатского подразделения Вусальб, а также Никита и Теодорих, сын Триария» (Ioann. Ant. Fragm. 211.3). По Иоанну Антиохийскому, Маркиан и Прокопий — полноправные участники заговора (Ibid.).

Так же — у Кандида (Candid. P. 445.3—4). Обозначение Вусальба как his hegumenos stratiotiku tagmatos свидетельствует скорее о командовании местными контингентами, а не только варварами, как полагал Г. Сиверс³³. Видимо, данные

контингенты находились в столице: это объясняет внезапность и первоначальный успех мятежа. Теодорих Страбон, примкнувший к мятежу, преследовал собственные цели. По Малху, Теодорих полагал, что настал благоприятный момент напасть на Константинополь и на Зинона. Предлогом была защита города от мятежников (Malch. P. 419.19—25). В заговоре косвенно участвовала и Верина (Ioann. Ant. Fragm. 211.3).

С другой стороны, заговорщики пытались использовать недовольство столичного плебса. Иоанн Антиохийский, описывая начало мятежа, отмечает: «И стянув толпу варваров вместе с многими из граждан, они располагают силы в так называемом здании Кесария» (Ibid. Fragm. 211.3).

Характерно, что часть горожан стихийно примкнула к восстанию³⁴.

Ряды восставших не были прочными. Загнав сторонников Зинона во дворец, они не развили успеха (Евагрий. С. 158; Theod. Lect. I.37; Theoph. P. 196.10—12). Возможно, стратегическая недалекость сторонников Маркиана была связана с их составом: среди них не было видных военачальников. Варвары, на которых они сделали ставку, были ненавидимы горожанами. Активность народных масс могла напугать Маркиана. С другой стороны, Зинов уже на следующий день мог собрать «всех сановников» и задержать их (Ioann. Ant. Fragm. 211). Маркиан был выдан сообщниками (Евагрий. С. 158). По Феофану, многие из них были подкуплены Зином (Theoph. P. 196.15—17).

Ударной силой правительства были отряды исавров, приведенные Иллом из Халкидона (Ioann. Ant. Fragm. 211.3). Мятеж был подавлен. Надежда правительства на исаврийские карательные силы в данном случае оправдалась.

Мятеж Маркиана был авантюрой. Кучка аристократов, решившая провести перестановку в верхах, не располагала серьезной поддержкой даже в среде столичной знати. Ориентация на остготов скомпрометировала заговорщиков: некоторые из них бежали к Теодориху Страбону (Ibid.). Прокопий и Вусальб, несмотря на требования Зинона, не были выданы Теодорихом, у которого они жили, «обладая кое-какой землишкой» (Malch. P. 420.29). Поэтому серьезной поддержки заговорщиков со стороны горожан быть не могло. Однако мятеж активизировал столичное население. Пребывание в городе исавров возмущало массы. Когда Страбон подошел к Константинополю, Зинов решил на огромные денежные траты, чтобы удалить готов. Правительство опасалось, что близость Теодориха даст повод к новым возмущениям, и весь народ (*panta ton demon*), ненавидя исавров, примкнет к готам (Ibid. P. 419.27). Отряды Илла готовились на случай своего изгнания из города устроить поджоги (Ibid. P. 420.15—20). Накаленная атмосфера в столице породила заговоры. Иоанн Антиохийский упоминает об аресте и изг-

нении трех видных сановников — магистра официй Дионисия, Эпиника и военачальника Фравстиллы (Ioann. Ant. Fragm. 211.4). Таким образом, оппозиция среди столичной знати не прекратила существования.

Если узурпация Василиска была попыткой установления режима, ориентировавшегося преимущественно на торговую знать крупных провинциальных центров, заинтересованную в централизации, то Маркиан пытался сыграть исключительно на интересах столичной верхушки и на апелляции к столичному плебсу и к враждебным в конечном счете тем и другим готам. В двух случаях проявили себя два разных социальных типа оппозиции. Оба оказались неэффективными.

Между тем обстановка в крупных городах оставалась очень напряженной. Если после краха узурпации Василиска одни группы провинциальной знати поспешили заверить правительство в своей лояльности, то другие проявили большую жесткость. В частности, «епископы Азии» составили *libellos* к константинопольскому патриарху Акакию, где хулили энциклику Василиска и присоединялись к антиэнциклике³⁵. «Жители Востока» послали то же самое заверение Каландиону антихийскому (Евагрий. С. 137—138; Zachar. S. 68). С другой стороны, Анастасий иерусалимский не отрекся от энциклики, но в то же время заигрывал с новоназначенными епископами (Zachar. S. 68). В Антиохии приказом правительства был смещен Петр Валяльщик, а на епископский престол избран местными епископами Иоанн Кодонат, близкий Петру человек³⁶. Через три месяца Иоанн был смещен (Theoph. P. 194.5—6) как фигура, не устраивающая Константинополь. Стефан, избранный епископом под влиянием правительства (Coll. Auell. Ep. 66, 67), пал жертвой собственного клира; останки его бросили в Оронт (Евагрий. С. 138; Malal. P. 381.2—6). Правительство приняло крутые меры: антиохийской церкви запретили выбирать епископа из своей среды. Волей императора Акакий назначил антиохийским епископом Иоанна Каландиона (Malal. 381.7—8; Theoph. P. 199.5—7), пользовавшегося поддержкой Илла. Попытка антиохийского клира вновь выдвинуть Кодоната натолкнулась на влияние Илла. Таким образом, в борьбе за антиохийский церковный престол правительство применило открытое политическое (если не военное) давление.

Здесь, видимо, надо учитывать, что укрепление экономических позиций церкви, особенно в Александрии и Антиохии, продолжало способствовать росту ее влияния на провинциальную знать. Но увеличение экономической мощи часто было связано для местной церкви с возрастанием ее торговых контактов со столицей³⁷. В конце V — начале VI в. усиливается переселение антиохийцев в Константинополь и другие области³⁸. Это усложняло внутриклассовые отношения даже между прослойками крупных собственников отдельного города.

Переплетение противоречий подобного рода крайне затрудняет анализ оппозиции в провинциях. Пример с Антиохией позволяет лишь определить тенденцию развития оппозиции и характер ее отношений с правительством. О событиях в Александрии известно немного больше. Близость кончины мятежного прелата Тимофея Элуга³⁹ активизировала местную знать. После его смерти местные епископы «собственной своей властью» рукоположили его сподвижника Петра Монга (Евагрий. С. 139; Cedr. P. 618. 9—12). Зинов был разъярен. Последовал приказ о казни Монга и рукоположении Тимофея Салофакиола (Евагрий. С. 139; Cedr. P. 618. 9). В изгнании Монга приняли участие монахи (Theoph. P. 202. 1 sq.). Видимо, правительство располагало в Александрии поддержкой некоторых архимандритов, тяготившихся властью «партии Элуга». Но Петр скрылся у своих приверженцев.

Вступление Салофакиола на церковный престол Александрии вызвало восстание (*stasis*) и кровопролитие (Zachar. S. 68. 30—36). Известно, что Салофакиол старался «склонить народ к себе», развивал энергичную демагогическую деятельность, но так и не мог добиться популярности (Ibid. S. 69. 4—10). По «Бревиарию» Либерата, он завоевал расположение лишь некоторых групп горожан (Liberat. Brev. 16). Слабость позиций Салофакиола в среде торгово-ростовщической знати, ориентировавшейся на укрепление своего влияния в Константинополе, проявилась в действиях Иоанна Талайи.

Талайя посылался «приверженцами Тимофея» в столицу в ответ на консолидацию «партии Монга». В их числе были монахи, часть горожан и, видимо, некоторые «главы города» (Zachar. S. 71). Прибыв в столицу, Иоанн был вынужден лавировать в борьбе правительства с оппозиционной группой Илла. Захарий называет Талайю приверженцем Илла, послушавшимся совета скрыть свое намерение стать епископом (Ibid.). То же сообщает Либерат (Liberat. Brev. 17). Иоанн поклялся «перед Акакием и сенатом», что не станет притязать на кафедру в Александрии (Евагрий. С. 140; Zachar. S. 71). Но по возвращении он передал письмо Илла епарху Феогносту, который также участвовал в заговоре исавра-военачальника (Zachar. S. 71), а затем с помощью того же Феогноста стал епископом после смерти Салофакиола (Евагрий, С. 140; Zachar. S. 71). Видимо, отчасти права А. Нагль, полагавшая, что церковная политика императора и Акакия вызывала противодействие Илла⁴⁰. Но за церковной политикой Илла таилась не только поддержка им определенных групп торгово-ростовщической александрийской знати. Однако то, что Талайя был из «партии Салофакиола», ставленника столицы, и то, что он встал на сторону Илла, говорит о серьезных разногласиях в среде египетской знати, ориентированной на Константинополь. Возможно, такая поляризация ее интересов свидетельствует о сдвигах в тактике оппо-

зиции, заключавшейся уже не столько в нажиме местных крупных собственников на правительство, сколько в переходе от активной конфронтации с ним к обороне при тенденции к сепаратизму. Недаром правительство немедленно распорядилось изгнать Талаю (Евагрий. С. 140) и сместить Феогноста.

Симптомы перехода в оппозицию сильных групп провинциальной знати, возможно, даже заинтересованных, в связях со столицей, заставили правительство лавировать. Акакий вошел в контакт с Монгом, рекомендовал его императору в епископы Александрии и выработал текст так называемого энотикона, которым Монг должен был объединить враждующие группировки Египта⁴¹. Монг занял кафедру епископа (Он же. С. 140—141). Лавируя, он некоторое время справлялся с «примирением» этих группировок. Однако противостоять в Александрии нажиму фракции, возглавляемой пресвитерами Юлианом и Иоанном и софистом Павлом, он не смог. В результате Петр Монг проклял Халкидонский собор, но в письме Акакию отрекся от проклятия (Он же. С. 147—149). Данное письмо является свидетельством компромисса между частью оппозиции и правительством. Монг называет своими основными противниками «некоторых» монахов, которые «занявшись» с некими злонамеренными лицами, стараются отделить народные массы, чтобы отскочить от церкви» (Он же. С. 148; Niceph. XVI. 14). Эти монахи, «готовя, чтобы массы, подчиненные нам (т. е. Монгу.— А. К.), скорее начальствовали над ними, нежели повиновались нам», являются, по мысли Монга, врагами не только его, но и «братства объединившихся» (Евагрий. С. 147). Если учесть, что правительство позже приняло крутые меры против возмущившихся монахов и издало ряд указов, направленных на отрыв монахов от масс⁴², то в упомянутых действиях правительства и в словах Монга видна известная классовая солидарность.

В то же время, вновь склоняясь в сторону оппозиции, Монг репрессировал архимандритов, не анафемствовавших «томос» папы Льва и Халкидонский собор (Он же. С. 154). Слабая попытка нажима на Монга и его противников-монахов, предпринятая Косьмой, оруженосцем Зинона, специально присланной, не имела успеха (Он же. С. 154; Zachar. S. 88). Но, вероятно, примиренческие акции Косьмы были лишь формой. Состоявшееся по его инициативе объяснение между Монгом и его врагами (Zachar. S. 88) лишь углубило раскол в оппозиции. Августал Арсений разрешил депутации экстремистских групп александрийских монофизитов ехать в столицу (Ibid. S. 90—91). Правительство отклонило требования депутации. В конечном счете умеренная часть оппозиции во главе с Монгом окончательно разошлась с «радикалами»⁴³.

Таким образом, издание энотикона было уступкой правитель-

ства, внешне направленной на примирение враждующих церквей, а по сути — на дальнейший раскол оппозиционеров.

События в Египте выявили серьезные изменения в составе оппозиции провинциальной знати. Попытка Илла через Талаю склонить на свою сторону александрийскую торгово-ростовщическую верхушку провалилась из-за углубления противоречий в ее среде. Число крупных собственников, ищущих контакта со столичной знатью, явно сокращалось. Несмотря на оппозиционность Илла, в Египте его рассматривали скорее всего как представителя автократии; поэтому изгнание Талаи александрийцы восприняли спокойно. Но и Петр Монг не был продолжателем мятежного Тимофея Элуро. Его лавирование, облегченное уступками правительства, показало, что в 80-е гг. V в. александрийская знать не собиралась резко порывать со столицей.

Лимитирование оппозиции в Египте совпало с удачной борьбой правительства против открыто взбунтовавшейся части исаврийской знати во главе с Иллом и поддерживавших его групп знати сирийских и малоазийских городов.

Около середины 482 г. на Илла состоялось третье покушение, инспирированное правящей верхушкой. Император приказал казнить покушавшегося (Eustaph. Fragm. 4). Это показало боязнь правительства открыто столкнуться с Иллом. Последний был даже назначен *magister militum Orientis* с обширными полномочиями (Theoph. P. 198. 2—4). Но ориентироваться на своих египетских сторонников он уже вряд ли мог. Покушение свидетельствовало об опасности пребывания Илла в столице. Получив пост магистра войск Востока, Илл направился в Никею, а оттуда в Антиохию. Среди сопровождавших его были «многие из сената» (Excerpta. P. 165.15), патриции, опытный военачальник, знатный сириец Леонтий, Пампрепий и Марс (Malal. P. 388.14—15; Theoph. P. 198.10—13; Eustaph. Fragm. 4), а также бывший консул Юстиниан (Excerpta. P. 165. 15—19), бывший префект претория Элиан, а также некие Матрониан и Куттула. Состав сопровождавших Илла говорит о его сторонниках в среде столичной знати.

В Антиохии Илл остановился не случайно. Его контакт с Каландионом и поддержка им Леонтия, очевидно, связанного с местной знатью не только происхождением, обеспечивали оппозиционерам сочувствие и поддержку известной части сирийской торгово-ростовщической верхушки. Малала сообщает, что Илл отъехал из Антиохии, «многое сделав и проявив щедрость к антиохийцам» (Excerpta. P. 165.20—21).

Илл «проявил щедрость» и к исаврийским общинам: они были освобождены от анноны⁴⁴. Но его попытки завязать союзные отношения с италийским правителем Одоакром⁴⁵ успеха не имели. Была, правда, обещана поддержка от «предводителей персов и армян» (Иешу Стилит. § 15), однако крупных результатов это общение, видимо, не обеспечило⁴⁶.

Илл пытался установить какие-то связи с частью остготов⁴⁷. Это должно было настроить против него многих горожан.

Дальнейшие действия Илла показывают, что он скорее всего не пытался активно привлечь на свою сторону горожан юга Малой Азии и сирийскую знать. Провозглашение с его помощью в 484 г. императором Леонтия, выходца из сирийской знати, еще не говорит, что коронация должна была вызвать широкую поддержку. Она происходила в Тарсе, городе, где Илл имел явно немало личных клановых приверженцев. Для легитимности этого акта Илла использовал Верину, возложившую на Леонтия корону. Вряд ли престарелая вдова Льва I еще пользовалась авторитетом у столичной знати. Однако именно Верина направила анохийцам «сакру», «чтобы они приняли Леонтия императором и не восстали против него», и написала послания «ко всем начальникам и к начальникам Востока и Египетской области» (Excerpta. P. 165.26—30). В послании Верины подчеркивалось бедственное положение государства, возникшее из-за корыстолюбия Зинона, и провозглашались общие принципы нового правления: «спасение» римской державы, «замирение врага» и охрана «всех подданных вместе с законами» (Ibid. P. 165.30 sq.; Theoph. P. 200.9—18). Характерно, что «сакра» послана в столицу не была. По Малале, провозглашение Леонтия с восторгом встретил народ (ho demos) Антиохии (Excerpta. P. 166.5—6). Однако Леонтий процарствовал здесь считанные дни, и уже это ставит под сомнение высказывание об активной его поддержке массами горожан. Возможно, упомянутый Малалой «димос» — только верхушка торгово-ремесленных корпораций. В Антиохию Леонтий был доставлен в июне 484 г. (Malal. P. 389.2—3; Theod. Lect. II. 3; Ioann. Ant. Fragm. 214). Его венчание «императором римлян» (Excerpta. 166.4; Theoph. P. 200.16—18) показывает великодержавные планы оппозиции, а ни в коем случае не сепаратизм. Как известно, Леонтий сразу же «назначил Лилиана префектом претория и, выступив, повел войну против его города Халкиды» (Theoph. P. 201.7—9). Это должно было оттолкнуть от Илла часть провинциалов.

Очевидно, силы, на которые ориентировался Илл, хотя и были разнородны по этническому и социальному составу, в основном являлись группировками торговой и земельной «узкоместной» знати, недовольной, с одной стороны, автократией Константинополя, а с другой, — недостаточностью своих позиций у рычагов центральной власти. Но «разъедавшие» такого рода оппозицию политические противоречия, ярко проявившиеся еще в середине V в.⁴⁸, сказались и теперь.

В 80-е гг. V в. указанный процесс размежевания сил был ускорен и усложнен выступлением самаритян в Палестине⁴⁹. Поскольку вооруженный протест был в данном случае порождением конкретных оппозиционных настроений, попытаемся, насколько позволяют источники, дать их характеристику.

Во-первых, заметим, что, очевидно, прав М. Я. Сюзюмов, полагавший, что причиной восстания явился террор греческого городского населения, пытавшегося таким путем сохранить в Палестине свое привилегированное положение⁵⁰. Однако оно имело и другие стороны. То, что восставшие захватили Неаполь — древний Сихем — и Кесарию, дает основание предполагать в качестве центров формирования оппозиции небольшие города и сельскую местность. Тогда понятно и обозначение главы восстания Юстасы как *ho lestarhos*⁵¹. Таким образом, вполне возможен генетически «негородской» характер оппозиции. Но террор восставших в отношении «многих» мог касаться не только христиан⁵².

Во-вторых, присутствие Юстасы на ипподроме (*Excerpta*. P. 162.25; *Malal*. P. 382.12; *Chron. Pasch*. P. 603.22), возможно, как-то было связано с борьбой цирковых партий. В Антиохии в это время объектом нападков прасинов были венеты и иудеи⁵³. Юстаса вмешивался в практику зрелищ: казнил возницу-христианина⁵⁴. Проникновение оппозиционеров в сферу борьбы между «синими» и «зелеными», возможно, отражало расширение их рядов за счет граждан крупного города.

В-третьих, уже после подавления восстания Зинон распорядился, «чтобы самаритяне не несли военную службу», и конфисковал «их имущества» (*Excerpta*. P. 162.34—35). Отсутствие в источниках четких сведений о социальном статусе наказуемых все же не может служить причиной отказа от попытки определить его в общем виде. Известно, что для расправы с движением хватило сил дукса Палестины и отрядов, возглавленных «гонителем разбойников» Регисом (*Ibid*. P. 162.27—28). Это говорит о слабой военной организации восставших. В связи с этим запрещение самаритянам нести военную службу можно истолковывать как боязнь создать контингент опытных ветеранов среди палестинского негреческого населения. Данное обстоятельство дает основание предположить, что опорой восставших были многочисленные средние и мелкие собственники.

В-четвертых, провозглашение Юстасы царем, уничтожение христиан и храма св. Прокопия (*Ibid*. P. 162.23, 26) свидетельствуют о сепаратистских тенденциях в оппозиции, стремлении к политической автономии самаритянской общины. Это противопоставление себя окружению изолировало оппозицию и обусловило ее быстрое поражение.

Локальность оппозиционных движений сказалась и на исходе кампании в Исаврии. Зинон сумел быстро мобилизовать отряды под руководством Иоанна Скифа, флот и наемников-готов. Впрочем, очень скоро, после поражения, которое нанес мятежникам Иоанн, готы были отозваны (Иордан, § 266). Очевидно, Зинон не хотел возбуждать горожан Малой Азии присутствием карателей-варваров. С другой стороны, солидные уступки Зинова исаврийским общинам⁵⁵ сузили и эту опору Илла.

Разгром войска мятежников привел к распаду непрочного блока «исаврийских» оппозиционеров. Остатки их войска «рассеялись, каждый в свой город» (Иешу Стилит. § 17. С. 133). Убежищем Илла стало укрепление в Исаврии, называвшееся Херрис. Верными Иллу остались около 2 тыс. человек (Ioann. Ant. Fragm. 214). Укрепление продержалось до 488 г. и пало из-за предательства Индака, ранее горячего сторонника Илла. Продолжительность осады объясняется не столько нерасторопностью полководцев Зинона, сколько поддержкой Илла местной племенной знатью — его единственной надежной опорой. Недаром Зинон приказал потом срыть многие исаврийские крепости.

Поражение мятежа было закономерным. Различие интересов в среде оппозиционных групп, возглавленных Иллом, оказалось сильнее их недовольства правительством. То, что египетские крупные собственники отказались поддержать заговорщиков, отразило стремление «египтян» бороться без какого-либо серьезного союза с сирийской и частью малоазийской знати. Важно было и то, что Илл проявил себя приверженцем существующего режима и боролся только за смену верхушки этого режима. Поэтому его и поддержала часть столичной, а также (до первого серьезного поражения) сирийской знати, ориентировавшейся на декларацию «сакры» Верины. Но упоминание Малалой и Феофаном Египта как адресата «сакры» дает основание полагать, что полного отказа от союза с Иллом там не было.

В то же время в Египте сыграл свою роль маневр правительства с энотиконом и политика Монга, временно приглушившие оппозицию крупных александрийских ктиторов. Имевшее, очевидно, ту же цель рукоположение в Антиохии Петра Валяльщика и подписание им энотикона (Theod. Lect. II. 1), наоборот, усилили размежевание сил в сторону усиления оппозиции сирийской торговой знати, недовольной уступками правительства широким слоям городского населения, чьи чаяния формально выражал Петр. Объективно энотикон существенно расколол оппозицию провинциальной знати накануне мятежа Илла. Однако этот процесс имел и обратную сторону. Уступив одной части оппозиционной знати, чтобы ослабить другую, правительство Зинона создало серьезнейший прецедент для активизации «соглашателей». Этот прецедент не был случаен. Завершение подъема позднеантичного крупного города, сопровождавшееся усилением в нем поляризации социальных сил, совпадало с ростом крупной земельной собственности, обострением социальных противоречий в деревне. Сокращение верхушки торгово-ростовщической знати, участвовавшее совпадение ее интересов с интересами крупных землевладельцев определили своеобразное равновесие сил⁵⁶. Уступки делались тем, кто не желал сепаратизма и автономии от Константинополя. Как показало последующее правление императора Анастасия, практика подобных уступок в адрес провинциальной знати оказалась долговечной. Но дела-

лись они опять-таки аналогичными, т. е. позднеантичными, средствами, тем более что и в адресатах этих уступок не было «протофеодалных» черт.

¹ См.: **Удальцова З. В.** К вопросу о генезисе феодализма в Византии: Постановка проблемы // ВО. 1971. С. 18 (см. и библиогр.); **Винкельман Ф.** О роли народных масс в ранней Византии: В порядке дискуссии // ВВ. 1979. Т. 40. С. 26—36 (см. и новейшую литературу).

² О функционировании полиса как основы социальной и политической жизни до конца античности см.: **Hammond M.** The City in the Ancient World. Cambridge; Massachusetts, 1972. P. 361.

³ См.: **Курбатов Г. Л.** К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. С. 5—21.

⁴ См., напр.: **Штаерман Е. М.** Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978. С. 202; **Held W.** Die Vertiefung der allgemeinen Krise im Westen des Römischen Reiches: Studien über die sozialökonomischen Verhältnisse am Ende des 3. und in der ersten Hälfte des 4. Jahrhunderts. В., 1974. S. 43, 174.

⁵ См.: **Козлов А. С.** Основные направления политической оппозиции правительству Византии и ее социальная база в середине 70-х гг. V в. // Античная древность и средние века: Проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 42—51. Историографию проблемы см.: **Он же.** Политическая оппозиция правительству Византии в конце IV — начале VI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1975. С. 3—8.

⁶ Датировку этапов правления Зинона см.: **Lippold A.** Zenon, römischer Kaiser 474—475 und 476—491 PWRE. 1972. Bd 10. A. 2. R. 19. Hbd. Sp. 157. 60—68, 160. 32—36, 162. 18—27, 195. 48—59.

⁷ Подробнее см.: **Козлов А. С.** Основные направления... С. 49—50.

⁸ См.: **Patlagean E.** Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4—8 siècles. P., 1977. P. 156, 431.

⁹ См.: **Сюзюмов М. Я.** Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения в первой половине V в. // История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 183—199; **Козлов А. С.** Основные направления политической оппозиции правительству Византии в первой половине V в. // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 5—27.

¹⁰ См.: **Schwartz E.** Publizistische Sammlungen zum acacianischen Schisma // AAM NF. 1934. Bd 10. 4. S. 185—189. **Frend W. H.** The Rise of the Monophysite Movement: Chapters in the History of the Church in the Fifth and Sixth Centuries. Cambridge, 1972. P. 170—174.

¹¹ См.: **Курбатов Г. Л.** Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: Конец античного города в Византии. Л., 1971. С. 159, 161.

¹² О военно-варварской оппозиции см.: **Козлов А. С.** К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV—V вв. // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 9. С. 117—119.

¹³ Факты см.: **Wolfram H.** Geschichte der Goten. München, 1979. S. 335—346; **Lippold A.** Op. cit. Sp. 158. 32—42. 164. 68 u. folg.

¹⁴ См.: **Wolfram H.** Geschichte der Goten. S. 164—178; **Demougeot E.** De l'unité à la division de l'empire Romain, 395—410. P., 1951. P. 222—256.

¹⁵ См.: **Martin K.** Theoderich der Grosse bis zur Eroberung Italiens. Freiburg, 1888. S. 33 u. folg.

¹⁶ См.: **Сиротенко В. Т.** Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в. Пермь, 1973. Ч. 1. С. 88.

¹⁷ См.: **Козлов А. С.** К вопросу о месте готов... С. 118—119.

¹⁸ См.: **Удальцова З. В.** Идейно-политическая борьба ранней Византии: По данным историков IV—VII вв. М., 1974. С. 142; см. также: **Kaegi W. E.** Gli storici prolo-byzantini e la Roma des trado quinto secolo // Riv. Stor. Ital. 1976. Vol. 88. P. 5—9; **Baldwin B.** Malchos of Philadelphia // DOP. 1977. Vol. 31. P. 89—107.

- ¹⁹ Ср.: **Kaegi W. E.** *Byzantium and the Decline of Rome*. Princeton, 1968. P. 82—85, 117—118, 135—144.
- ²⁰ См.: **Курбатов Г. Л.** К проблеме перехода... С. 9.
- ²¹ См.: **Patlagean E.** *Op. cit.* P. 218.
- ²² См.: **Rémondon R.** *La crise de l'Empire Romain du Marc Aurèle à Anastase*. P., 1964. P. 137.
- ²³ См.: **Курбатов Г. Л.** Основные проблемы... С. 101—102, 208.
- ²⁴ См.: Там же. С. 54, 88; см. также: **Petit P.** *Libanius et la vie municipale à Antioche aux IVe siècle après J. C.* P., 1955. P. 314—318.
- ²⁵ См.: **Dagron G.** *Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. P., 1974. P. 135—188.
- ²⁶ О позициях исавров в Византии при Зиноне см.: **Brooks E. W.** *The Emperor Zenon and the Isaurians* // *Engl. Hist. Review*. 1893. N 8. P. 216; **Stein E.** *Histoire du Bas-Empire*. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. Vol. 2. P. 9.
- ²⁷ См.: **Кулаковский Ю.** *История Византии*. Киев, 1913. Т. 1. С. 407.
- ²⁸ **Hagl A.** *Illos* // *PWRE*. Bd 9. Hbd. 18. Sp. 2535.
- ²⁹ Сведений о действиях исаврийских войск против готов для указанного времени нет. Военачальниками, ведшими подобные операции, были византийские сановники Адамантий и Савиниан (см.: **Gülland R.** *Recherches sur les institutions byzantines*. Berlin; Amsterdam, 1967. Vol. 2. P. 47; **Stein E.** *Op. cit.* P. 14). Очевидно, исавры являлись важной частью гарнизонов ближних к столице центров, так как именно с ними, приведенными Иллом из Халкидона, столкнулись восставшие константинопольцы в конце 479 г. (**Ioann. Ant. Fragm.** 211. 3).
- ³⁰ См.: **Wolfram H.** *Op. cit.* S. 340—341.
- ³¹ Указанные факты можно сравнить с данными о действиях константинопольцев против готов в 400 г. См.: **Manojlovic G.** *Le peuple de Constantinople 400 à 800* // *Byzantion*. N 11. Fasc. 2. 1936. P. 633.
- ³² См.: **Сиротенко В. Т.** Введение в историю международных отношений... С. 88.
- ³³ См.: **Sievers G. R.** *Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit*. B., 1870. S. 503.
- ³⁴ «И масса горожан выходила из домов со всяким дубьем против собравшихся за императора» (**Ioann. Ant. Fragm.** 211. 3).
- ³⁵ См.: **Schwartz E.** *Op. cit.* S. 190.
- ³⁶ См.: *Ibid.* S. 192.
- ³⁷ Ср.: **Zeisel W. N.** *An Economic Survey of the Early Byzantine Church: Diss.* New Brunswick; New Jersey, 1975. P. 61—115, 160—210.
- ³⁸ См.: **Курбатов Г. Л.** Основные проблемы... С. 109.
- ³⁹ См.: **Schwartz E.** *Op. cit.* S. 190. О церковно-политических противоречиях между Константинополем и Александрией в предшествующий период и деятельности в связи с этим Тимофея Элура см.: **Baynes N. H.** *Alexandria and Constantinople, a Study in Ecclesiastical Diplomacy* // **Baynes N. H.** *Byzantine Studies and Other Essays*. L., 1955. P. 97—116; **Lebon J.** *La Christologie de Timothée Aelure* // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 1908. N 9. P. 677—702. **Beck H.-G.** *Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich*. Göttingen, 1980. S. D7—D9; **Frend W. H. C.** *Op. cit.* P. 154—174.
- ⁴⁰ См.: **Nagl A.** *Op. cit.* Sp. 2536. 48 u. folg.
- ⁴¹ См.: **Salaville S.** *L'affaire de Hénétique ou le premier schisme byzantin au Ve siècle* // *Echos d'Orient*. 1919. N 18. P. 255—266, 389—397; 1920. N 19. P. 49—68, 415—433; **Townsend W. T.** *The Henoticon Schism and the Roman Church* // *J. of Religion*. Chicago, 1936. N 16. P. 78—86; **Winkelman F.** *Die östlichen Kirche in der Epoche der christologischen Auseinandersetzung*. B., 1980. S. 97—99.
- ⁴² См.: **Bacht H.** *Die Rolle des orientalischen Mönchtums in den kirchenpolitischen Auseinandersetzungen um Chalkedon (431—519)* // **Grillmair A., Bacht H.** *Das Konzil von Chalkedon: Geschichte und Gegenwart*. Würzburg, 1953. Bd 2. S. 266—268.
- ⁴³ См.: **Frend W. H. C.** *Op. cit.* P. 180.

⁴⁴ Так вслед за Т. Моммзеном полагает А. Нагль (см.: Nagl A. Op. cit. Sp. 2538).

⁴⁵ См.: Kaegi W. E. Byzantium... P. 50.

⁴⁶ См.: Stein E. Op. cit. P. 19. Известно, что какие-то восточные вельможи участвовали в мятеже, за что впоследствии были наказаны Зиномом (Procop. De aed. III. 1. 24). Обращение за помощью к персам, возможно, исходило лишь от части сторонников Илла. Известно, что после отправки Зиномом в Исаврию войска Иоанна Скифа мятежники хотели уйти из Антиохии за Евфрат (Иешу Стилит. § 16. С. 133). Дело в том, что хотя правительство Ирана в условиях обострения внутреннего социально-политического кризиса искало дружбы с Византией (см.: Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннее средневековье. М.; Л., 1956. С. 293), оно поддерживало некоторых оппозиционеров в Византии. В то же время часть провинциальной знати восточных провинций империи, видя в персах перманентную опасность, не могла разделять подобной политики Илла. Возможно, ориентация Илла на персов сыграла роль в неприятии его жителями Эдессы (Иешу Стилит. § 16. С. 133).

⁴⁷ Отряды федератов во главе с Теодорихом Амалом, посланные Зиномом против мятежников, уже пройдя Никомедию, были отозваны, так как императору «пришла мысль, что он (Теодорих.— А. К.) мог бы быть неверен» (Ioann. Ant. Fragn. 214.4). См.: Wolfram H. Op. cit. S. 345.

⁴⁸ См.: Козлов А. С. Основные направления политической оппозиции правительству Византии в первой половине V в. С. 25—27.

⁴⁹ См.: Stein E. Op. cit. P. 31 sq.

⁵⁰ См.: Сюзюмов М. Я. Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения во второй половине V в. // История Византии. Т. 1. С. 208.

⁵¹ В списках «Хроники» Малалы присутствуют сведения, что Юстаса «убил многих» (Excerpta. P. 362. 25), а также — «он убил многих христиан» (Malal. P. 382. 12—14). Сообщение «Пасхальной хроники» ближе «Эксерптам»: «И многих убил он, имея гегемонию над Палестиной» (Chron. Pasch. P. 603. 22—604. 1). Хотя греческие источники называют Юстаса «предводителем разбойников», которого самаритяне «увенчали» (Malal. P. 382. 11; Excerpta. P. 163. 23; Chron. Pasch. P. 603. 20—21), принимать это сообщение буквально нет оснований, так как оно восходит фактически только к Малале.

⁵² См.: Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284—602): A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol. 2. P. 945—946.

⁵³ См.: Дьяконов А. П. Византийские димы и факции (ta mere) в V—VII вв. // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 199.

⁵⁴ См.: Cameron Al. Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976. P. 183.

⁵⁵ См.: Stein E. Op. cit. P. 30.

⁵⁶ Следует отметить характеристику Г. Л. Курбатовым рассматриваемого периода: «Конец V — начало VI в. были в какой-то мере временем, когда в ранней Византии закончилась стадия относительного позднеантичного подъема. Ранняя Византия не находилась на пути медленной трансформации в феодальное общество, она находилась на пороге последнего кризиса античного» (Курбатов Г. Л. История Византии: От античности к феодализму. М., 1984. С. 50).

В. П. СТЕПАНЕНКО
Уральский университет

ГРАФ И ИШХАНЫ ЭДЕССЫ (конец XI — первая половина XII в.)

Вопрос о характере отношения христианского населения Ближнего Востока в целом и армянского в частности к кресто-